Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Ecology | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i4.677

Eco-Cultural Being of Humans in the Modern Techno-Technological World

Dmitry V. Solomko*

South Ural State University (National Research University); Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. Email: dimiurg85[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2318-7643

* — corresponding author

Received: 13 August 2025 | Revised: 3 November 2025 | Accepted: 10 November 2025

Abstract

The article examines the problem of preserving and actively reproducing human beings as living entities—and, more specifically, their "living principle"—within the contemporary technological world. In this context, humans face radical technological alienation, in which technology "dictates" the conditions of life, threatening the integrity of human existence. The purpose of the study is to develop the concept of human eco-cultural being by analyzing eco-cultural practices as means of preserving the living principle within humans, ensuring their integrity, and harmonizing human relationships with the technogenic environment. The contradiction between the living principle within humans and the logic of the non-living (purely technical) leads to ecological and anthropological crises, as well as an erosion of cultural values. Two groups of eco-cultural practices are identified: *nominal* (formal, e.g., greenwashing) and *authentic* (oriented toward the core principles of the eco-humanistic approach). The latter group includes ecotourism, urban forestry, the recreational development of urban spaces, and anthropologically oriented education.

The analysis demonstrates that authentic eco-cultural practices contribute to restoring unity and maintaining proportionality, thereby balancing opportunities for the full reproduction and development of each dimension of human existence. They also help overcome technological alienation and affirm the value of the living principle within humans. It is therefore crucial to orient technology not toward replacing the human but toward enhancing it within a coevolutionary framework. The article is intended for philosophers, ecologists, cultural scholars, educators, urbanists, and social practitioners dealing with issues related to the anthropology of technogenic society, eco-humanism, and sustainable development.

Keywords

Eco-Cultural Being; Eco-Cultural Practices; Techno-Technological World; Living Principle in Humans; Eco-Humanistic approach; Integrity of Being; Coevolution; Greenwashing; Anthropology of Technology

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License
© 2026 Dmitry V. Solomko

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. № 4 | ISSN: 2658-7734
Медиаэкология | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i4.677

Эко-культурное бытие человека в современном технико-технологизированном мире

Соломко Дмитрий Витальевич*

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Email: dimiurg85[at]mail.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-2318-7643

* — корреспондирующий автор

Рукопись получена: 13 августа 2025 | Пересмотрена: 3 ноября 2025 | Принята: 10 ноября 2025

Аннотация

В статье рассматривается проблема сохранения человека как живого существа и активного воспроизводства его живого начала в современном технологизированном мире. В нём человек сталкивается с радикальным технологическим отчуждением, а техника «диктует» правила жизни, угрожая целостности человеческого бытия. Целью исследования является разработка концепции эко-культурного бытия человека посредством анализа эко-культурных практик как способа сохранения живого начала в человеке, поддержания целостности человеческого бытия и гармонизации отношений с техногенной средой. Противоречие между живым началом в человеке и логикой неживого (сугубо технического) ведёт к экологическому и антропологическому кризису, а также к эрозии культурных ценностей. Выявлены две группы эко-культурных практик: *номинальные* (формальные, например, гринвошинг) и *подлинные* (ориентированные на основные принципы экогуманистического подхода). К последним отнесены экотуризм, урболесоведение, рекреационное обустройство городских пространств, антропологически ориентированное образование.

Установлено, что подлинные эко-культурные практики способствуют восстановлению единства и поддержанию соразмерности возможностей полноценного воспроизводства и развития каждой из сторон человеческого бытия, а также преодолению технологического отчуждения и утверждению ценности живого начала в человеке. Представляется важным, чтобы техника была ориентирована не на замещение человеческого начала, а на его усиление в контексте коэволюции. Статья адресована философам, экологам, культурологам, педагогам, специалистам по урбанистике и социокультурным практикам, занимающимся проблемами антропологии техногенного общества, экогуманизма и устойчивого развития.

Ключевые слова

эко-культурное бытие; эко-культурные практики; технико-технологизированный мир; живое начало в человеке; экогуманистический подход; целостность бытия; коэволюция; гринвошинг; антропология техники

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0
© 2026 Соломко Дмитрий Витальевич

Введение

Современный технико-технологизированный мир – это качественно новое состояние мира человека, формирующегося, выстраивающегося и развивающегося преимущественно в соответствии с параметрами научной и технической рациональности (алгоритмизации, механизации, роботизации, схематизации). Все содержательные компоненты этого мира можно рассматривать как создаваемые не столько по «меркам» человека, сколько в соответствии с параметрами самоценной технической рациональности и технического мироотношения.

В контексте отношения «человек – технико-технологизированный мир» важна идея сохранения человека как живого существа и мира, в котором он существует. В настоящее время это отношение, безусловно, трактуется неоднозначно. Однако в генетическом плане оно формируется как расширение возможностей человека. Технико-технологизированный мир возникает как продолжение и расширение человека (его потенциала, возможностей и способностей); в его основе лежит соотношение естественного человека и его искусственного продолжения, живого и овеществлённого (неживого), объективированного и необъективируемого. Человек может оказаться в ситуации радикального технологического отчуждения, т. е. в состоянии подчинения логике неживого во всех сферах своего существования, когда собственные возможности техники начинают «диктовать» человеку правила его жизни.

Решение проблемы сохранения человека и экологии его бытия предполагает поддержание соразмерности и взаимной соотнесённости возможностей полноценного воспроизводства и развития каждой из сторон человеческого бытия (природной и культурной, антропологической и технической, естественной и искусственной, живой и неживой) без абсолютизации их противостояния и при их взаимной ориентации. Многие виды техники и технологий создаются для того, чтобы поддержать, укрепить, усилить потенциал человека. Технико-технологизированный мир может быть соразмерным *человеку* и ориентированным на него. Следует прилагать усилия, чтобы техника и технологии не становились самоценными и самодостаточными, а сохранение живого начала в человеке, его проявление и воспроизводство становились подлинной сферой человеческой заботы о себе и своём мире, реализуемой через практики самосохранения и эко-культурные практики.

Важны также формирование благоприятной территории и жизнеспособного пространства бытия, а также устроение мира человека по образцу дома и экосистемы – всё это базовые моменты человеческого бытия-в-мире. Это возможно при условии, что сам человек представляет собой экосистему и эту особенность своей природы воплощает во внешнем мире, устраивая его

по тому же принципу. Только тогда мир человека будет представлять собой единое органическое целое, способное к саморазвитию.

В современном технико-технологизированном мире наблюдается стремление человека к экологизации собственного существования. Он стремится изменить образ жизни, характер своей деятельности, образ мышления и поступки, не отказываясь от удобства и комфорта. Выстраивание оптимальных отношений с природой, обществом и культурой обусловлено не только необходимостью разумно организовать внешнее бытие, но и стремлением человека упорядочить собственный внутренний мир. Стремление человека найти оптимальный способ собственного бытия, сохранить целостность и полноценность существования приводит к поиску различных моделей эко-культурного бытия, а также к выработке стандартов и форм экологической культуры и эко-культурных практик.

Эко-культура, эко-культурное бытие, эко-культурные практики: понятие и основные характеристики

Понятие экологической культуры, являясь базовым для настоящего исследования, прочно утвердилось в научном дискурсе, демонстрируя концептуальное многообразие, обусловленное различиями исследовательских парадигм. В западной традиции выделяются три ключевых подхода: утилитаристский (Э. Берджесс, Л. Вирт, Р. Маккензи, Р. Парк), консервативный (О. Дункан, Л. Шнорре) и биосциентистский (Р. Данлэп, У. Кеттон). Утилитаристский подход сформировался как реакция на интенсивное развитие материально-преобразующей деятельности человека, характеризующейся экстенсивной эксплуатацией природных ресурсов и их прогрессирующим истощением. В рамках данного подхода экологическая культура интерпретируется как комплекс ценностных ориентаций и социокультурных практик, направленных на оптимизацию ресурсопользования, минимизацию антропогенного ущерба окружающей среде и повышение качества человеческого существования.

Консервативный подход акцентирует критическое отношение к технотехнологическим инновациям в природопользовании. Экологическая культура здесь осмысливается сквозь призму преемственности традиционных культурных ценностей; при этом подчёркивается императив сохранения природных ресурсов и экосистем как наследия для будущих поколений. Данный императив предполагает защиту биоразнообразия и консервацию природных ландшафтов через систему национальных парков, заповедников и памятников природы. Биосциентистский подход, в свою очередь, базируется на авторитете естественнонаучного знания, интегрируя достижения экологии, биологии, географии, химии и смежных дисциплин. Его представители подчёркивают ключевую роль научных исследований и знаний в разработке экологической политики, комплексном решении экологических проблем,

а также в формировании экологического сознания, поведения и, как следствие, экологической культуры посредством образовательных и просветительских механизмов (Nishimura et al., 2017, p. 589; Shibata, 2019, p. 423).

В отечественной философской и научной мысли проблематика становления экологической культуры актуализировалась в конце XX столетия, что привело к значительному многообразию её интерпретаций (Н. Г. Апухтина, В. А. Лилейкина, А. Ю. Шоричева, С. Н. Глазачев, А. Н. Кочергин, Д. С. Лихачёв, С. В. Павлов, В. Н. Майстренко, Н. К. Курамелина, Н. Ф. Реймерс, Э. В. Гирусов и др.).

Ряд исследователей акцентирует индивидуально-личностное измерение экологической культуры, трактуя её как «вершинное свойство личности» (Глазачев & Гагарин, 2013). Оно формируется на уровнях мышления, поведения, мировоззрения и самоотношения, способствуя разрешению проблемы воспроизводства жизни в условиях нарастающей экологической деградации посредством гармонизации отношений между природой и обществом. При этом учёные (С. Н. Глазачев, А. В. Гагарин, О. С. Анисимов) выделяют сущностные характеристики экологической культуры: её системную организацию, предполагающую соподчинённость элементов целому; необходимость гармонизации отношений внутри системы; преодоление эгоцентризма и утверждение ответственности субъекта за собственные действия и их последствия в различных типах взаимодействия («человек – природа», «человек – общество», «человек – человек») ради сохранения системной целостности. Следовательно, в широком смысле экологическая культура определяется как мера и «способ реализации и развития сущностных сил человека, экологического сознания и мышления в процессе духовного и материального освоения природы и поддержания её целостности» (Глазачев и др., 1998). Ключевыми концептами данной дефиниции выступают «освоение» и «целостность». Целостность, понимаемая в приведённой цитате как ненарушенность системных взаимосвязей и их устойчивость, предстаёт высшей ценностью для формирования экологической культуры личности. Освоение же предполагает трансформацию парадигмы взаимодействия человека со средой (природной, культурной, социальной): отказ от логики доминирования и присвоения в пользу интериоризации. Человек не утверждает власть над природой посредством науки и техники, а делает её «своей», о-своенной, приближенной и адаптированной в рамках коэволюционного процесса. Однако исторический анализ свидетельствует об иной траектории: инструменты, первоначально предназначенные для освоения мира, трансформировались в средства овладения им и его при-своения. Следствием ориентации на техно-технологический прогресс стали глобальный экологический и антропологический кризисы (Winner, 1977). Развитие техники, детерминированное научным прогрессом, привело, как отмечает М. Хайдеггер, к установлению её власти над самим человеком и подчинению его логике техники.

При этом у Хайдеггера вопрос о технике – это вопрос не столько о самой технике, сколько о человеке и раскрытии «потаенного». Техника оказывается на периферии философского осмысления человеческого бытия и выступает своеобразной линзой: всматривание в грани технического прогресса позволяет понять, что происходит с человеком. Иными словами, техника для Хайдеггера есть способ говорить о человеке и его бытии (Хайдеггер, 1986). Обстоятельная попытка соединить философское понимание человеческого бытия с осмыслением роли экологии в условиях техногенной цивилизации предпринята в одной из работ отечественного исследователя К. А. Ермилова (2009, с. 65–68).

Отечественный исследователь А. Н. Кочергин подчёркивает императив сохранения целостности экосистем и преодоления экологического и антропологического кризисов техногенной цивилизации. Философ трактует экологическую культуру как специфическую программу, детерминирующую исторически конкретный процесс взаимодействия субъекта с природой, и раскрывает содержание её регулятивно-деятельностно-поведенческого компонента. Формирование экологической культуры на уровне мировоззрения в сферах науки, образования и воспитания способно ограничить влияние идеалов превосходства, овладения и сверхпотребления. Задачи гармонизации социоприродных отношений должны доминировать над сиюминутной утилитарной выгодой. Альтернативу техногенному пути развития Кочергин видит в реализации концепции устойчивого развития, интерпретируемой как коэволюционное («взаимно непоражающее») взаимодействие природы и общества (2015, с. 33–34). Развивая идеи В. И. Вернадского, автор указывает, что перед лицом экологической катастрофы перспективы выживания человечества и достижения коэволюции связаны с переходом биосферы в ноосферное состояние.

Проблематика экологической культуры и ноосферного перехода получила детальную разработку в трудах Э. В. Гирусова. Философ определяет экологическую культуру как неотъемлемый компонент общей культуры общества, поскольку социальная деятельность изначально сопряжена с необходимостью поддержания жизнепригодности среды. Гирусов рассматривает становление экологической культуры в контексте тревожной тенденции к взаимному уподоблению «мира машин» и «мира людей». Антропоморфизация техники сопровождается техноморфизацией человека, в результате которой он приобретает машинообразные характеристики. Этот реципрокный процесс губителен как для человека, так и для природной среды, усугубляя экологический кризис. Очарованный собственными техно-технологическими достижениями, человек осуществил сдвиг от антропоцентризма к эгоцентризму. Утверждение культа потребления при забвении экологической заботы ведёт к нарастающему оскудению биосферы.

Согласно Гирусову, человеческая деятельность должна наследовать логику развития биосферы (органического мира), её организованность,

но на качественно новом, ноосферном уровне. «Ноосфера – это преобразованная людьми биосфера соответственно познанным и практически освоенным законам ее строения и развития» (Гирусов, 2023, с. 17). Однако, в отличие от биосферы, становление ноосферы не может быть стихийным; оно требует сознательного изучения законов биосферной саморегуляции и подчинения этим законам всех форм деятельности (хозяйственной, промышленной). Лишь осознанная деятельность, направленная на поддержание, воспроизводство и сохранение целостности органического мира, способна продолжить логику его развития. Ключевую роль в этом процессе играет приобщение к экологической культуре и актуализация её гуманистического потенциала, способствующего гармонизации развития природы и общества (Гирусов, 2016, с. 103).

Гуманистический потенциал экологической культуры подчёркивает и Д. С. Лихачёв, определяя её как органический синтез экологически развитого сознания, эмоционально-психических состояний индивида и научно обоснованной волевой утилитарно-практической деятельности. Обладая мощным научно-техническим потенциалом, человек оказывает масштабное воздействие на мир, которое может носить как разумный, так и неразумный характер. Неразумный характер такого воздействия порождает «опаснейшую ситуацию» насильственного истощения природы, её ресурсов и культурных ценностей, создающую угрозу тотального уничтожения. В ответ на это Лихачёв обосновывает необходимость расширения и укрепления разумной деятельности, направленной на защиту и сохранение окружающего мира как дома человечества. Этот дом включает не только природу (естественную среду обитания), но и культуру как искусственную среду, созданную человеком для себя. Экология природы неразрывно связана с экологией культуры; вместе они образуют единое целое. Лихачёв подчёркивает бессмысленность сохранения природы вне контекста сохранения культуры, ибо природа без культуры представляет собой «обезглавленную природу» (2000, с. 93). Общей причиной страданий природы и культуры является отсутствие универсальных нравственных правил и недостаточное осознание человеком своей принадлежности к обоим мирам. Разделяя позицию В. С. Соловьёва, культуролог полагает, что основой экологического и нравственного отношения к миру должны служить любовь, забота и сострадание, без которых мир утрачивает органическое единство и целостность.

Следует подчеркнуть, что Д. С. Лихачёв не отрицает значимость техники и преобразования окружающего мира посредством технических средств. Его позиция заключается в необходимости сопряжения этого процесса с формированием экологической культуры, которая предполагает не столько «внешнюю переделку мира», сколько его «преображение». Последнее связано с обнаружением и актуализацией в мире разумного начала, связанного с высокой нравственностью, проявляющейся в заботе и сострадании.

Именно забота и сострадание конституируют человеческую солидарность, побуждают бережно относиться к культурному наследию и памятникам природы в целях их сохранения и сбережения. Через призму сострадания и заботы индивид осознаёт своё единство не только с другими людьми и народами, но и с природным миром во всей его целостности – с флорой, фауной и другими его составляющими.

Лихачёв был убеждён, что культура, а следовательно, и техника обладают гуманистическим потенциалом, способным служить ориентиром цивилизационного развития. Насильственная экспроприация природных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности человека посредством техники относится к пройденному этапу исторического развития. Современный этап характеризуется переходом к разумному изъятию ресурсов, под которым, вероятно, подразумевается использование «зелёных технологий», хотя элементы насильственного воздействия всё ещё сохраняются. В отдалённой перспективе прогнозируется усиление тенденции к снижению насильственного воздействия на окружающий мир и его последующее прекращение, что ознаменует переход к состоянию единства и «союзности» человека с природой и культурой.

Данная трансформация обусловливает необходимость формирования глобально-экологической культуры мышления, подробно рассмотренной в монографии Н. Г. Апухтиной (2021). Теоретическими основаниями данной концепции выступают достижения отечественной мысли: русская религиозная философия второй половины XIX – первой половины XX века (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев); космическая футурология (Л. И. Мечников, А. В. Сухово-Кобылин); русский космизм (Н. Ф. Фёдоров, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, В. Н. Муравьёв, А. Л. Чижевский). Эта культура мышления предполагает различные стратегии переориентации техники и технологий в целях решения экологических проблем. С одной стороны, существуют проекты, основанные на экологическом пессимизме и алармизме, предлагающие резкое ограничение или полный отказ от технико-технологического развития. С другой стороны, предлагаются более оптимистичные сценарии, предполагающие не отказ, а радикальную перестройку техники и технологий, направленную на минимизацию или устранение ошибок, вызывающих негативное экологическое воздействие (рециклинг, альтернативные научно-технические программы, разработка технических средств в соответствии с новыми экологическими стандартами и т. п.). Формирование экологической культуры способствовало утверждению в обществе новых ценностных ориентаций: императива укрепления заботливого отношения к окружающему миру как уникальной экосистеме и признания значимости её сохранения и сбережения.

Ряд отечественных исследователей связывает эффективность формирования экологической культуры с обращением к национальным истокам, специ-

фике отношения к природе и духовным ценностям конкретной культуры (Тарбаева, 2019, с. 4). Так, В. М. Тарбаева акцентирует внимание на уникальной, исторически сложившейся в русской культуре традиции диалога и общения с природой, характеризующейся любовью и уважением к родной земле, духовным единением с ней. Однако, как отмечает автор, сдвиг в мироотношении современного человека в сторону технократизма привёл к отчуждению от природы, игнорированию её законов, потребительскому отношению к ресурсам и тяжёлым экологическим последствиям. Научно-технический прогресс трансформировал не только природу, но и внутренний мир человека. Это обусловливает необходимость формирования новой экологической культуры, опирающейся на национальный опыт и традиции русской культуры, выраженные в идеях жизни в согласии с природой, единства человека и природы как взаимосвязанных частей целого. В связи с этим современные эко-культурные практики предлагается формировать на основе традиционных практик, связанных с сохранением и воспроизводством народных праздников, фольклора, художественных промыслов и т. д., отражающих уважительное отношение к природным стихиям. Данный тезис Тарабаевой представляется дискуссионным с точки зрения практической реализации, поскольку вызывает ряд проблемных вопросов: каким образом актуализировать исторические практики в современных социокультурных условиях для укрепления экологического сознания? Следует ли воспроизводить эти практики в их изначальном виде или они нуждаются в пересмотре и адаптации к современным реалиям?

Несмотря на многообразие интерпретаций экологической культуры, её практическое измерение, в рамках которого она понимается как совокупность эко-культурных практик, направленных на преодоление приоритета технико-технологического развития (усугубляющего экологические и экогуманистические проблемы), остаётся недостаточно проработанным. В настоящем исследовании для анализа данного аспекта используются понятия «эко-культура» и «эко-культурные практики».

Понятие «практика» широко используется в современных дискурсах (экологические практики, антропопрактики, практики заботы о себе, образовательные практики, духовные практики и пр.). Термин «практика» (от греч. – «дело, деятельность, поступок») в философско-научном контексте употребляется в различных аспектах: гносеологическом, этическом, эстетическом, экономическом и политическом. В широком смысле он понимается как «универсальный способ отношения человека к миру, который предполагает волю, усилия ума, ориентацию на будущее в целеполагании» (Огурцов, 2018). Данное общефилософское определение служит основой, однако в настоящем исследовании исследовательский фокус смещён на эко-культурные практики как особый вид социокультурных практик. Они понимаются как способ активной (деятельностной) заботы человека о мире, о себе и своём бытии в мире. Такое понимание противопоставляется сугубо инструмен-

тально-прагматическому (технико-инструменталистскому) подходу, для которого характерно «массовое репродуцирование и тиражирование созданных культурным творчеством произведений и фабрикация массовых товаров» (Огурцов, 2018).

Экологические практики также представляют собой отдельный вид социокультурных практик, в которых основной акцент сделан на сохранении природы как естественной среды обитания человека. В отличие от них, эко-культурные практики предполагают сознательное и активное формирование оптимальных для конкретных социокультурных условий способов существования человека в технико-технологизированном мире. В рамках этих практик человек организует свою жизнь на основе принципов целостности, оптимальности, координации и коэволюции в соответствии с критериями целостного и полноценного существования. Эко-культурные практики позволяют преодолеть крайние позиции в отношении техногенного мира – его бездумное принятие (технооптимизм, технофилия) и тотальное противостояние ему (технопессимизм, технофобия).

В рамках эко-культурных практик преодолевается приобретшее в XX веке практически глобальный характер технико-инструменталистское отношение человека к природе, миру и самому себе. Согласно позиции ряда авторитетных философов (И. Лакатос, М. Фуко, М. Хайдеггер), именно это отношение стало источником многих глобальных проблем современности, включая экологический кризис.

В реальной практике экологические практики (эко-практики) и эко-культурные практики могут быть взаимосвязаны и пересекаться, однако обладают различными акцентами и целевыми установками. Экологические практики, в конечном счёте, служат человеку опосредованно – через сохранение, сбережение и улучшение окружающего его мира, способствуя тому, чтобы человеческое бытие-в-мире соответствовало принципам заботы, ответственности и соучастия. Термин «эко-культурные практики» в определённой степени является неологизмом и редко встречается в научной литературе. В российских исследованиях превалирует термин «экологические практики», часто определяемый как структурная единица экологического поведения, связанная с целенаправленными и ответственными действиями по преобразованию природы или поддержанию её параметров, достаточных для естественного воспроизводства (Захарова, 2022, с. 120). Экологические практики, ориентированные на сохранение среды, рассматриваются как необходимый атрибут современной повседневности. Обострение экологических проблем побуждает индивида включать в повседневные практики принципы бережного и ответственного отношения к среде. Проэкологическая активность в настоящее время выступает ключевой характеристикой современного «хорошего человека» – *homo ecologicus* (Лебедева, 2021).

В исследованиях М. В. Рыбаковой экологические практики анализируются и как вид социокультурных практик (совокупная деятельность социума, выражающаяся в способах познания, общения, ценностного отношения), и как система действий (индивидуальных, коллективных), детерминированных уровнем развития человека, культуры, общества и характером их взаимодействия с природой. Они включают когнитивный, ценностно-мотивационный и поведенческий (эмоционально-деятельностный) компоненты, отражающие результаты взаимовлияния природной и социокультурной сред. Зарождение эко-практик связывается с ранними этапами взаимодействия человека с природой, осуществляемого через её освоение и преобразование. Однако современные экологические практики характеризуются институционализацией и тесной связью с экономикой, политикой, образованием, бизнесом, включая экологическое образование и просвещение, экологический менеджмент и аудит, «зелёную» экономику, урболесоведение, экопоселения, экологический туризм и т. п. (Рыбакова, 2012).

Экологические практики определяются также как способы подчинения законам самосохранения биосферы, направленные на преодоление экологического кризиса современной цивилизации. В процессе природопользовательской деятельности субъект зачастую игнорирует, а в ряде случаев грубо нарушает фундаментальные законы биосферной саморегуляции, обеспечивающие системную организованность природной среды в её глобальной целостности (Гирусов & Гирусов, 2015). По утверждению Гирусовых, закрепление и воспроизводство подобного эгоцентрического отношения к природе привели к нынешнему экологическому кризису и создают угрозу глобальной экологической катастрофы с её трагическими антропологическими и цивилизационными последствиями. Следование экологическим законам в практической жизнедеятельности может стать необходимым условием сохранения планетарной экосистемы и самосохранения человечества. Многообразие этих законов может быть сведено к трём фундаментальным принципам – обмену веществом, энергией и информацией между всеми компонентами биосферы. Как количественные, так и качественные параметры любых форм антропогенной активности должны определяться рамками, заданными этими законами. Человеку необходимо интенсифицировать плодотворный диалог с природой, обретая способность к постижению её «интересов», зачастую противоречащих коммерческо-глобалистским установкам. Экологические практики, выстраиваемые на основе такого диалога, формируются исходя из общих интересов человека и природы, основным из которых является сохранение и продолжение жизни. При этом ведущая роль в этом диалоге должна принадлежать природе как более универсальному целому, в которое включён человек. «Биосфера – это наш общий дом, включая все живое население планеты, и нужно подчиниться законам этого дома, а не навязывать свои, только на нас ориентированные правила и привычки, которые считаем

разумными» (Гирусов & Гирусов, 2015, с. 58). Экологические практики неразрывно связываются прежде всего с переходом общества от топливной энергетики к возобновляемой, что сопряжено со значительными трудностями, обусловленными недостаточной на современном этапе мощностью возобновляемой энергетики для удовлетворения постоянно растущего энергопотребления.

Экология бытия человека-в-мире предполагает необходимость формирования как эко-культурных, так и экологических практик. Человек имманентно включен в преобразовательную деятельность по отношению к миру (включая природу), а его практики отражают господствующие мировоззренческие, общекультурные и философские установки эпохи. В контексте глобального экологического кризиса экологические практики стали необходимостью для современного индивида; при этом часть таких практик формируется сознательно. Тем не менее эмпирические данные, полученные в результате некоторых социологических исследований, свидетельствуют о том, что формирование экологических практик и активная вовлечённость в их реализацию пока не определяют в полной мере повседневное поведение большинства людей (Танова и др., 2024).

Реализация экологических практик основывается на экологическом просвещении, воспитании, образовании, здоровьесбережении и решении задач, возникающих в природоохранной деятельности. Их целью является формирование экологического сознания, поведения, культуры, грамотности и компетентности.

Экологические практики поддаются условной типологизации:

1. Практики прямого природосбережения связаны с сохранением природы как естественной среды обитания (спасение редких видов, очистка воздуха, воды и почвы, лесовосстановление, создание экологических коридоров для миграции животных и сохранения биоразнообразия).
2. Практики опосредованного природосбережения направлены на изменение антропогенных факторов через трансформацию мышления, мироотношения, поведения и деятельности (сортировка отходов, энергосбережение, использование экотранспорта, ответственное потребление, производство биоразлагаемой продукции, развитие рынка экотоваров и экоуслуг, осознанное производство и употребление здоровой пищи и натуральной косметики, «зелёная» экономика, энергетика и технологии, рециклинг, экологическое волонтёрство).

В отличие от экологических практик, преимущественно соотносящихся с естественнонаучным дискурсом экологии природы, эко-культурные практики относятся к социально-гуманитарному дискурсу – экологии культуры, социальной экологии и антропоэкологии – и связаны с экологией природы преимущественно опосредованно. В рамках настоящего исследования

они рассматриваются в контексте отношения «человек – технико-технологизированный мир» и проблемы сохранения и воспроизводства живого начала в человеке, ценности живого человека, целостности его мира и полноценности его бытия-в-мире. Экологические же практики относятся преимущественно к онтологической триаде «человек – общество – природа», фокусируясь на вопросах антропогенного воздействия на равновесие экосистем, рационального управления социоприродными взаимодействиями, влияния производственной деятельности и урбанизации на состояние физического и психического здоровья человека.

Развивая мысль Д. С. Лихачёва, можно утверждать, что экологические практики ориентированы на поддержание целостности природы, тогда как эко-культурные практики направлены на сохранение целостности культуры (мира человека) и самого человека, поскольку, по замечанию исследователя, сложное единство и целостность присущи не только природе, но и культуре в целом (2000, с. 100). Лихачёв отмечает проблему нарушения этого единства в обеих сферах. Задача заключается не только в раздельном сохранении целостности природы и культуры, но и в установлении единства между этими целостностями. Поэтому разделение экологии на экологию природы и экологию культуры, а также разграничение эко-практик и эко-культурных практик вслед за Д. С. Лихачёвым следует считать условными, принятыми в исследовательских целях.

В качестве примеров эко-культурных проблем Лихачёв приводит следующие явления: коммерциализацию доступа к культурным ценностям (высокие цены на посещение музеев, театров); обеднение лексики языка, замещение исконных слов иностранными; исчезновение поговорок и пословиц из устной речи; эрозию стыдливости и снижение значимости личной репутации, что ведёт к утрате чувства чести и достоинства. «Зоной экологического бедствия может стать кино, классический репертуар театров, частично музыка и т. д. и т. п.» (Лихачёв, 2000, с. 100).

В отличие от эко-практик, эко-культурные практики базируются на идее сохранения не только природы и человека как биосоциального существа, но и его бытийных характеристик, антропологических констант, предельных оснований существования, живого начала (любовь, труд, счастье, свобода, совесть и т. п.). Они направлены на создание оптимальных социокультурных условий для полноценного бытия человека в техногенном мире.

Реализация принципов эко-культурного бытия и организация индивидуальной жизни на основе экогуманистических установок обусловливают многообразие эко-культурных практик. Каждая из них требует исследования и осмысления с точки зрения её соответствия задаче формирования оптимального способа существования человека в условиях «текучей современности» (З. Бауман), обеспечения целостности и полноценности бытия,

создания условий для сохранения и активного воспроизводства живого начала в человеке.

Необходимо концептуально различать эко-культурное бытие и эко-культуру. Эко-культурное бытие представляет собой культурно опосредованный способ существования человека, обеспечивающий его целостность и воспроизводство его живого начала. В условиях технико-технологизированного мира этот способ бытия становится насущно необходимым и адекватным существующим угрозам и вызовам. Он выступает способом антропологического самосохранения, предполагающим создание оптимальных условий для организации внутреннего и внешнего мира человека, согласования их элементов в конкретных историко-культурных контекстах. Эко-культура, в свою очередь, рассматривается как совокупность разнообразных практик, реализующих принципы эко-культурного бытия, каждая из которых в различной степени соответствует его сущностным характеристикам и фундаментальным принципам экогуманистического подхода (целостность, оптимальность, координация и коэволюция).

Эко-культурные практики в контексте экогуманистического подхода

В настоящее время существует многообразие эко-культурных практик, в том числе практик, содержание которых непосредственно связано с соблюдением основных принципов экогуманистического подхода, поиском способов достижения целостности человека, сохранения и активного воспроизводства живого начала в человеке. Такие практики можно условно назвать подлинными эко-культурными практиками. Практики, в которых преимущественно проявляется стремление следовать актуальным общественным экологическим тенденциям и которые являются лишь внешним, формальным атрибутом индивидуального бытия человека, будут условно названы номинальными (или формальными) эко-культурными практиками. К ним можно отнести некоторые «экологические акции», «зелёные технологии», «зелёный маркетинг», «экологические товары и услуги» и др. Однако даже в тех эко-культурных практиках, в которых следование основным принципам экогуманистического подхода фактически подменяется иными мотивами (следованием моде, подражанием или попыткой выделиться), отражается стремление человека выразить свои взгляды на значимое, ценное и важное в его существовании.

Таким образом, многообразие эко-культурных практик можно разделить на две группы:

1. Номинальные эко-культурные практики – практики, реализуемые под влиянием внешних, модных и популярных тенденций, содержание которых не связано с поиском способов достижения целостности чело-

века, полноценности его существования, сохранения и активного воспроизводства живого начала в человеке.

2. Подлинные эко-культурные практики – практики, в которых принципы экогуманистического подхода являются ключевыми для организации человеком собственного жизненного мира.

К первой группе, например, можно отнести некоторые практики в сфере производства и потребления товаров и услуг, создающие лишь видимость сохранения экологического равновесия, снижения экологического следа и нагрузки на окружающую среду, поддержания психического и физического здоровья человека.

Создание и приобретение экологичных продуктов питания, предметов обихода, одежды из экоматериалов и т. п. происходят сегодня преимущественно под сильным влиянием моды, что обусловливает распространение таких имитационных эко-культурных практик, как “greenwashing”. Данный термин впервые был предложен в 1986 году американским биологом Джеем Вестервельдом для обозначения маркетинговой практики некоторых отелей, в номерах которых размещались таблички с призывом к гостям отказываться от замены полотенец и постельного белья под предлогом заботы об окружающей среде. Фактически это маркетинговое действие, прикрывавшееся высокой целью, было направлено на сокращение издержек компании и увеличение прибыли. В подобных практиках коммерческих компаний происходит формирование экологически ориентированного имиджа с целью демонстрации приверженности экологическим принципам вместо их реального внедрения. Посредством рекламы и PR формируется видимость экологической ориентированности при отсутствии реальной деятельности в данном направлении. Такое экологическое позиционирование компании или её товаров и услуг не имеет под собой реальных оснований. Компании, выбирающие стратегию гринвошинга, ориентируются прежде всего на собственное обогащение, потребление и комфорт, руководствуясь принципом «иметь», который нередко сочетается с принципом «казаться», т. е. представлять видимость как действительность.

Классическими примерами «зелёного камуфляжа» можно считать деятельность некоторых энергетических компаний, отелей, банков и магазинов. Гринвошинг в современном мире, по несколько пессимистичной оценке Е. В. Смирновой, – весьма распространённое явление, и рассчитывать на сокращение числа его проявлений пока не приходится (2011, с. 31). К факторам, способствующим улучшению ситуации, исследователь относит информирование населения средствами массовой информации об уровне ответственности различных производителей, обеспечение ясности и доступности сведений, а также повышение экологической грамотности и критического мышления потребителей. Необходимо отметить, что, несмотря на многочисленные примеры номинальных эко-культурных практик, отно-

симых к гринвошингу, существуют компании, организации и предприятия, отличающиеся экологической ответственностью по вышеуказанным критериям. В современной России к их числу можно отнести, например, компании «Сибур» и «Лента», а также организацию «ЭКА». В качестве примера деятельности компании «Сибур» можно привести строительство очистных сооружений на её предприятиях (например, в Тобольске). Речь идёт не только о ремонте, но и о внедрении лучших доступных технологий, что приводит к измеримому снижению нагрузки на водные объекты. Компания «Лента» внедряет технологии динамического ценообразования на продукты с истекающим сроком годности (систему скидок), передаёт непроданные, но ещё пригодные к употреблению продукты на благотворительность через фонды-фудсейверы, что способствует сокращению объёма отходов на полигонах, устанавливает солнечные панели на крышах своих гипермаркетов и поэтапно отказывается от продажи одноразовой пластиковой посуды и оксоразлагаемого пластика и т. п. Организация «ЭКА» создаёт практические инструменты для решения экологических проблем: карту пунктов приёма вторсырья “RecycleMap”, всероссийский флешмоб по сбору макулатуры «БумБатл», а также образовательные программы и проекты. К последним относятся организованный в 2020 году совместно с WWF России онлайн-квест «Другая планета» и обучающая экологическая игра, основанная на концепции Zero Waste и посвящённая раздельному сбору отходов.

О. А. Притужалова отмечает, что многие неискушённые потребители, следуя моде на «зелёные», «экологически чистые», «экологичные» товары и услуги, не понимают и не стремятся выяснить, насколько подобные маркировки соответствуют действительности (2015, с. 39). Использование недостоверной экомаркировки продукции недобросовестными производителями свидетельствует об их стремлении извлечь выгоду из тенденции, обусловленной растущим спросом на экопродукцию. Экомаркетинг, ориентированный на гринвошинг, является негативным фактором развития современной экономики, «растущей опухолью современного рынка» (Куц, 2017, с. 35). В связи с осознанием масштабов ущерба, причиняемого гринвошингом, Н. П. Воронина предлагает развивать и совершенствовать правовой механизм противодействия этому явлению посредством изучения опыта борьбы с гринвошингом в других странах, выявления правовых пробелов и формулирования возможных законодательных предложений. За рубежом эта проблема обсуждается на протяжении нескольких десятилетий, тогда как в России ей стали уделять внимание лишь в последние годы (2023, с. 28). В. Б. Агафонов пишет, что создание правовых инструментов противодействия гринвошингу должно сопровождаться установлением соответствия экологической политики компании основным принципам ESG: принципам сохранения, предотвращения и избегания; повторного использования и хранения; замещения и компенсации (2024, с. 132). Принципы ESG предполагают учёт экологических,

социальных и управленческих аспектов (Environmental, Social, Governance) деятельности компании, а также оценку её воздействия на природу и общество.

Представляется, что феномен гринвошинга представляет собой проявление инверсии духовно-нравственного принципа существования человека – «быть, а не казаться» – в его прямую противоположность: для достижения успеха, выгоды или прибыли приоритетным и достаточным оказывается не быть, а казаться. Это «жизнь шиворот-навыворот», как пишет известный специалист по организационному управлению С. Кови. В погоне за успехом и выгодой человек стремится «урвать побольше, но отдать поменьше», больше заботится о внешнем имидже, чем о внутреннем содержании, приносит долговременный, подлинный успех в жертву сиюминутному, ложному (Кови, 2015). Представляется обоснованной позиция С. Кови, согласно которой подлинный жизненный успех достигается тогда, когда человек в своей жизни и деятельности исходит из духовных оснований и ценностей собственного бытия – долга, чести, достоинства, стойкости, самопожертвования, служения, ответственности и доверия, – действуя бескорыстно, вне зависимости от возможных вознаграждений и внешних обстоятельств. Стивен Кови считал, что истинное величие человека всегда предполагает значительные личностные усилия, ответственность и реальный вклад в своё дело; оно не лежит на поверхности и не привлекает внимания подобно внешним атрибутам – популярности и имиджу. Последние являются маркерами ложного величия, которое носит сугубо внешний и кратковременный характер. Эта ложность рано или поздно обнаруживается, выявляя сиюминутный, неустойчивый и преходящий характер такого величия.

Некоторые номинальные эко-культурные практики, формируемые в духе гринвошинга, обнаруживаются и в контексте такого феномена современности, как «зелёный пиар». Зелёный PR, как его определяют исследователи, – разновидность так называемого цветного пиара: белого, чёрного, цвета хаки, жёлтого, фиолетового и т. д. Вид пиара по цветовому признаку выбирается в зависимости от аудитории и целевых установок компаний (Бакланова & Захарова, 2007). По образцу терминов “whitewash” и “greenwashing” были образованы названия и других сходных феноменов: “Purplewashing” – стратегии, использующие права меньшинств для поддержания и усиления различных форм дискриминации; “Pinkwashing” – стратегии увеличения продаж под лозунгом борьбы с раком груди; “brownwashing” – декларация поддержки прав темнокожих людей без реальных действий в этом направлении; “rainbowwashing” – заявления о поддержке ЛГБТ[1]-сообществ с целью увеличения продаж, также не подкреплённые фактической поддержкой.

Суть зелёного пиара заключается в том, что компании, продвигая идеи защиты и сбережения окружающей среды и повышения собственной соци-

1 Движение признано экстремистским на территории РФ

альной ответственности перед сотрудниками и стремясь сформировать определённое общественное мнение, преимущественно добиваются повышения узнаваемости своего *бренда* и улучшения *имиджа* организации. При этом компании затрачивают значительные средства на освещение и продвижение своей деятельности по сбережению окружающей среды вместо того, чтобы направить их на реальную модернизацию производства. Как пишет В. В. Демидов, подобные зелёные программы лояльности в действительности являются лишь техническим маркетинговым приёмом, разработанным для сохранения экологического имиджа компании, а не для сохранения окружающей среды (2019, с. 671).

В номинальных эко-культурных практиках реальная забота человека о мире и самом себе подменяется её имитацией – формальной, подражательной, технически воспроизведённой и лишённой живого содержания либо сохраняющей его лишь в минимальной степени, необходимой для создания видимости. Распространению номинальных эко-культурных практик способствует в том числе стирание в восприятии современного человека границ между формальным и содержательным, номинальным и подлинным.

В настоящее время различные формы «псевдо-», «кажимости», «производства впечатлений» способны создавать ожидаемый прагматический эффект якобы реальной включённости и вовлечённости в актуальную повестку заботы о человеке и его мире. Современные медиа- и информационные технологии предоставляют широкие возможности для создания такого эффекта. Однако противоречие между модусами человеческого существования – быть и казаться – не является новым: эта проблема присутствует в истории философии на различных этапах её развития. Например, к ней обращался Лао-Цзы, приводя пример человека, встающего на носки, для создания видимости высокого роста. Она обнаруживается и в диалогах Сократа, выявлявшего противоречия в тезисах собеседников-софистов, которые, по его мнению, лишь создавали видимость обладания знанием вместо того, чтобы прилагать реальные усилия к его поиску. К более современным вариантам осмысления этой проблемы относятся известный тезис экзистенциалистов о подлинности и неподлинности человеческого существования, концепция истинной (настоящей, подлинной) любви Э. Фромма и другие философские концепции. Исторически изменяются формы, значение и последствия включения различных вариантов «кажимости» в реальную жизнь человека.

Эко-культурные практики как оптимальный способ сохранения живого начала в человеке

Несмотря на широкое распространение в современном мире различных эко-культурных практик номинального характера, в результате исследования установлено, что ряд эко-культурных практик реализует основные принципы экогуманистического подхода к взаимодействию человека с технико-техноло-

гизированным миром. Значимыми являются эко-культурные практики, посредством которых человек сохраняет своё живое начало (основа человеческого бытия, изначальное основание существования человека как человека, позволяющее в различных формах обнаруживать человеческое в нём), утверждает его ценность и необходимость его деятельного (активного) воспроизводства, стремится согласовать все части своего внутреннего и внешнего мира, душевное, духовное и телесное, идеальное и материальное, рациональное и иррациональное, чувственное и сверхчувственное и т. д.

Среди мест человеческого мира, в которых возможна реализация эко-культурных практик, можно выделить природные заповедники, городские пешеходные зоны, парки, театры, музеи, библиотеки, школы, университеты и др. В этих местах можно намеренно и сознательно создавать благоприятные условия для проявления живого начала в человеке и полноты его самораскрытия. Безусловно, воспроизвести его исключительно искусственным образом невозможно: оно изначально, никем и ничем не порождено и естественным образом присутствует в человеке. Возможно лишь создавать условия, т. е. «обустраивать» места, где оно может обнаружить себя. Представляется, что это могут быть не только специально отведённые и особым образом организованные места, но и любые пространства, где человек чувствует себя живым человеком, где он непосредственно переживает всё, что с ним происходит. Там, где пробуждаются его живая мысль, живое чувство и воображение, преображается всё человеческое существо. Это происходит, например, в момент возникновения живых ассоциаций, всегда связанных с индивидуальным опытом человека, в том числе с его личностным опытом. Происходит это и тогда, когда он занимается своим делом (любимым, живым, творческим), в которое полностью вовлечён и в котором способен выразить и актуализировать себя. Занимаясь подобным делом, человек «теряет счёт времени» (но не утрачивает ориентации во времени, поскольку полностью осознаёт, что с ним происходит и где он находится), по-настоящему присутствует в том, чем занимается, полностью сконцентрирован и собран, сфокусирован и увлечён. Занимаясь любимым делом, человек укоренён в пространстве и времени, не испытывает отчуждения и действительно обнаруживает в нём себя, свой человеческий, личностный и профессиональный потенциал. В этом смысле он присутствует в собственном деле. Однако даже в любимом деле присутствуют рутина, обязанности, регламент и т. п. Такое занятие может быть кратковременным, случайным и ситуативным, но при этом сопровождаться интенсивностью и полнотой переживания, изменяющими весь строй человеческой души. В эти моменты живое начало преимущественно проявляется спонтанно, осуществляется непреднамеренно, обнаруживается естественно, самопроизвольно и органично.

Подлинные эко-культурные практики – это не только практики заботы о внешнем мире человека (социальном и культурном), но и своеобразные

антропопрактики (Kottak, 1999, p. 24), практики «заботы о себе» (непосредственно или косвенно обращённые к себе через заботу о внешнем мире), заботы о человеческом в человеке, собственной жизни и своём живом начале, то есть практики самосбережения. Тема заботы о себе концептуально разработана в трудах современного отечественного философа С. А. Смирнова. Он обосновывает необходимость развития в современном технико-технологизированном и цифровизирующемся мире своеобразных «инфраструктур человеческого» – мест, помогающих человеку в ответственном поиске самого себя, самообнаружении и определении своего места в мире. Здесь ответом на проблему «цифрового эскапизма» (Лисенкова & Труфанова, 2023, с. 17) может выступить «антропологическая навигация», понимаемая философом как помощь в прокладывании собственного жизненного пути в текучей современности, в условиях изменения привычных смысловых ориентиров и культурных ценностей (Смирнов, 2023, с. 19). При этом «заботу о себе» и «антропологическую навигацию» С. А. Смирнов связывает с ответственностью, готовностью действовать живо и самостоятельно, прокладывая собственный путь, а не следовать готовым и заданным кем-то или чем-то извне схемам и алгоритмам: «бытие как алгоритм невозможно» (2023, с. 19). Человек, заботящийся о себе, предпочитает быть, совершает «усилие быть» (в противовес соблазнам не быть в ситуации добровольного замещения некоторых видов деятельности и активности современной техникой и технологиями – «технический (шире жизненный) аутсорсинг»), занят поиском, созданием или обустройством мест, где он, проживая, может обнаружить и обрести себя, осуществиться и сбыться. Это должны быть конкретные и, как уточняет философ, «живые» места культуры – театры, музеи, школы, университеты, города. Чтобы они оставались живыми, пульсирующими и действующими, необходима антропология этих мест: в них должен постоянно и практически воспроизводиться человек. Для сохранения «живости» этих мест С. А. Смирнов предлагает делать акцент на воспроизводстве их главных, сущностных характеристик. Например, музей, чтобы быть и оставаться живым музеем, должен быть не просто «собранием артефактов, а местом памяти», библиотека – местом, где «читают книги, а не просто стоят полки, среди которых можно попить кофе, пообщаться», театр должен быть не местом «для увеселений и бесконечных перфомансов, а местом преображений и духовных встреч» (Смирнов, 2023, с. 327–328). В современном мире, с точки зрения С. А. Смирнова, из десятков театров, библиотек, школ и университетов живыми остаются лишь немногие – «один-два». Предстоит провести ещё значительную работу, чтобы вернуть этим местам утраченный статус, – наполнять их практиками заботы, а также живым мышлением, эмоциями, воображением, общением, сочувствием, состраданием и сопричастностью.

К числу подобных практик можно отнести, например, различные виды деятельности человека по сохранению территории, на которой он живёт, –

места собственного бытия. Современный отечественный философ Ю. М. Резник в своих работах пишет о важности заботы человека о своём месте бытия, поскольку именно место определяет характер и направленность человеческого бытия: через место человек «приобщается к бытию, образуя вместе с ним единство (местобытие)» (2023a, с. 146). Необходимо сохранять и преумножать скрытый в нём потенциал. Концепт Ю. М. Резника «местобытие» представлен как «естественная (“органическая”) и исторически обусловленная “территория бытия” человека, система мест, образующая уникальный культурно-природный и психосоциальный ландшафт (“местность”) и направляемая планом бытия, который дифференцируется в зависимости от специфики культуры» (2023b, с. 85). Человек – это всегда человек места, он неразрывно связан с ним ; без места собственного бытия его существование невозможно. Поэтому, с точки зрения философа, забота о месте бытия как составляющая заботы о человеке должна выйти на первый план.

В первую очередь с точки зрения Резника, человек должен позаботиться о природе, поскольку общение с ней является первичным, жизненно важным элементом человеческого бытия. Практику общения человека с природой можно рассматривать как эко-культурную практику, которая может эффективно реализовываться в форме экологического туризма (этнотуризма, рекреационного туризма и др.). Необходимость развития экологического туризма и его растущая популярность связываются «с динамикой развития самого общества, все глубже и глубже погружающегося в мир информационных и цифровых технологий» (Саидова, 2023, с. 51). Безусловно, экотуризм может не только позиционироваться как сугубо коммерческий продукт, но и, к сожалению, фактически являться им. Поэтому необходимо выделить основные содержательные и функциональные характеристики современного экологического туризма, позволяющие рассматривать его как подлинную эко-культурную практику. Исследователи обычно выделяют следующие характерные черты: ответственное поведение во время путешествия по экотуристской территории, сохранение целостности экосистем (Vishnevskaya & Semchenko, 2023, с. 92); приобщение к ценностям природного и культурного наследия (Чимитов, 2006); формирование патриотического сознания, основанного на любви к природе и бережном отношении к ней (Петрушков, 2009, с. 166); формирование здорового образа жизни, экологической культуры и общественного экологического сознания (Старикова & Когай, 2011, с. 92); обеспечение экономического благополучия региона и др. Среди многочисленных функций и характеристик экологического туризма (экономических, рекреационных, образовательных) некоторые исследователи акцентируют внимание на его экзистенциальной значимости, позволяющей человеку «выйти за пределы своей обыденной жизни и самопознать себя, пережив свое существование в качественно другой картине мира» (Саидова, 2023, с. 52). Например, Л. И. Саидова отмечает, что современный человек, формируя свой

мир в соответствии с тенденциями информатизации и цифровизации, «выбрасывает» себя за пределы естественной природы или же резко сокращает время общения с ней. Большую часть времени он проводит, целиком погружённый в информационное, техногенное, сугубо искусственное пространство. Человеку становится некогда общаться с природой: он старается соответствовать духу современности, отличающейся высокой социокультурной динамикой, требующей от него повышенной мобильности в условиях многозадачности повседневного существования. Практика экологического туризма, с точки зрения Л. И. Саидовой, помогает вырваться из суеты повседневной городской среды, приобщиться к спокойствию и величию природы, установить с ней диалог, осознать себя её частью, обрести собственную целостность в соотнесении с целостностью природы.

К примерам экологического туризма, соответствующего указанным выше характеристикам и понимаемого как подлинная эко-культурная практика, относится деятельность ассоциации по развитию экотуризма «Большая Байкальская Тропа»[1]. Организация не только организует туристические маршруты, но и создаёт инфраструктуру для устойчивого туризма с привлечением участников международных волонтёрских лагерей. Её деятельность включает строительство и обустройство экологических троп на побережье Байкала (в Ольхонском районе, Байкальском заповеднике и др.), что предотвращает эрозию почвы и её хаотичное вытаптывание; проведение образовательных туров по уже построенным тропам; активное вовлечение в эту деятельность представителей местного населения, что способствует созданию новых рабочих мест (инструкторы, гиды, организаторы) и пр. Другим примером может служить деятельность Кроноцкого государственного заповедника (Камчатка)[2], в котором действуют строго регламентированные маршруты, предполагающие сопровождение инспекторов (туристам разрешён доступ только к определённым, специально оборудованным тропам – к Долине гейзеров, кальдере вулкана Узон и Курильскому озеру), строгие правила поведения (запрещено оставлять мусор, отклоняться от тропы и беспокоить животных), программы экологического просвещения (каждый тур представляет собой лекцию под открытым небом, а гиды-инспекторы имеют биологическое или географическое образование), а также ограничения числа посетителей (количество туристов в день строго ограничено, что предотвращает чрезмерную нагрузку на среду заповедника). Экологический туризм в указанных примерах основывается на научном подходе, а также на строгом и ответственном регулировании поведения туристов.

К числу современных эко-культурных практик, способствующих смягчению экологических проблем, можно отнести и различные виды рекреационной деятельности, осуществляемой в урбанизированной городской среде. Анализируя практики сохранения и развития городской флоры и фауны,

1 См.: https://greatbaikaltrail.org/
2 См.: https://kronoki.ru/

заботы о деревьях и лесопосадках в городе и вокруг него (урболесоведение), исследователи приходят к выводу, что эти практики создают «возможность человеку и обществу выживать и развиваться даже в условиях интенсивных, неконтролируемых технологических перемен» (Kuznetsova et al., 2020, с. 115). Исследователи отмечают востребованность, растущую актуальность и жизненную важность обеспечения регулярных контактов горожан и приезжих туристов с городской флорой и фауной. Это важнейшее средство поддержания жизнедеятельности человека, его психологического и физического здоровья. В связи с этим актуализируется и проблема восстановления и сохранения городских лесопосадок, их создания и поддержания, поскольку не все жители города имеют возможность совершать поездки выходного дня на природу. В утверждении ценности озеленения городских пространств значимую роль играет и научное знание. Исследовательский коллектив говорит о необходимости формирования и развития такой научной дисциплины, как урболесоведение, выступающей важной частью экологического образования и рекреационно-оздоровительного туризма. «Урболесоведение – комплексная дисциплина о развитии и функционировании лесных массивов, находящихся в непосредственной близости или включенных в городские поселения» (Kuznetsova et al., 2020, с. 116).

Практики озеленения способны буквально оживить место бытия человека (будь то рабочее место, офис, пространство дома, улица, весь город и т. д.) и тем самым способствовать проявлению его живого начала, вызывая благоприятные переживания и создавая комфортные условия существования. Например, в японской культуре для обозначения подобных переживаний используется категория «ики», понимаемая как эмоциональный отклик, вызванный непосредственной вовлечённостью человека в городскую жизнь посредством, например, практики любования цветущей сакурой. Эта практика с древности и по сей день бережно сохраняется как актуальная, поскольку пробуждает в человеке живые эмоции и чувства, одухотворяет его. Такие переживания обусловливаются не только широким применением практик озеленения городов, но и особенностями устройства традиционного японского города, включающего элементы «природосообразной» архитектуры (храмы и сады), отражающей уважительное и заботливое отношение японцев к природе.

Создание зон рекреации внутри городских пространств может осуществляться не только посредством различных способов озеленения, но и путём благоустройства комфортной и доступной человеку среды в форме открытых общественных пространств: парков, городских садов, велодорожек, пешеходных зон. Например, определённым образом обустроенные городские набережные являются подходящим местом для общественной рекреации, а также важным эстетическим элементом формирования архитектурной среды. Современные набережные организуются с учётом создания разнооб-

разных зон отдыха для жителей и гостей города: площадок для футбола или волейбола, теннисных кортов, комплексов для занятий физической культурой, скейт-парков, кинотеатров под открытым небом, прогулочных маршрутов, фуд-кортов, гастропарков и др. Однако создание подобных общественных городских рекреационных пространств должно осуществляться не только с учётом эстетических потребностей горожан, но и прежде всего соответствовать современным архитектурно-дизайнерским, строительным, экологическим и санитарно-гигиеническим нормам, поскольку в таких местах нередки случаи негативного антропогенного воздействия. При обустройстве набережных приоритет должен отдаваться основополагающему принципу защиты и сохранения «экологического каркаса городской среды, без учета которого проектирование и строительные работы осуществляться не должны» (Савельев и др., 2019, с. 173). Ряд исследователей утверждает, что набережные территории можно метафорически назвать «лицом города», показателем его статуса. «Набережная – ценнейшая рекреационная зона в любом городе, которая должна создавать благоприятные условия как для местного населения, так и для его гостей» (Савельев и др., 2019, с. 173). Набережные, отмечают исследователи, – особые культурные места городского пространства; они играют важнейшую роль в поддержании эстетической привлекательности, экологического равновесия и устойчивого развития городов, а также психофизического здоровья человека.

Необходимость широкого применения эко-культурных практик отмечается и в современном образовании. Исследователи выделяют и разграничивают по ряду критериев два контрастирующих подхода к осмыслению современного образования, условно обозначенные как «технический», отражённый в проектно-реформистских дискурсах, и экзистенциально-антропологический, представленный в работах некоторых современных философов и теоретиков-гуманитариев (Гулеватая, Дыдров & Невелева, 2024, с. 61; Леонтьев, 2024; Кожевникова, 2021; Петрова, 2023; Слободчиков, 2012). А. Н. Гулеватая, А. А. Дыдров и В. С. Невелева отмечают опасность распространения и укрепления «технического» подхода к образованию, поскольку он ориентирован не столько на становление и воспроизводство человека, его индивидуальности в единстве всех её составляющих, сколько на создание внешней образовательной среды (что также важно) и следование постоянно меняющимся современным образовательным тенденциям («прагматизация», «инновационизация», «коммерциализация», «автономизация» как ключевые ориентиры развития образования), содержащим «угрозу “забвения” человека и критической деантропологизации образования, редукции его конечных целей» (Слободчиков, 2012, с. 61). На дискурсивном уровне «технического» подхода к образованию рассуждения о его актуальном состоянии и перспективах развития преимущественно осуществляются в контексте структурно-функциональной методологии, где главными категориями выступают «модель»,

«проект», «схема». Уровень онтологии и антропологии образования остаётся в тени или вовсе не учитывается. Представляется обоснованным утверждение авторов о том, что «современное образование “забыло” человека» (Слободчиков, 2012, с. 66). Современное образование переключилось с содержания обучения и воспитания на «тренды» и «форматы», а также на приведение образовательного процесса и образовательных учреждений в соответствие с этими трендами. Исследователи считают, что для предотвращения окончательной деантропологизации образования на первом месте должны стоять не вопросы о новых образовательных технологиях, а вопрос о том, какой человек образуется. Авторы предлагают решать этот вопрос на философском уровне, в аспекте экзистенциально-антропологического подхода. При этом экзистенциально-антропологический подход не абсолютизируется и не противопоставляется реформистско-проективному: он может служить его эффективным дополнением, возвращая человека в фокус образовательного внимания и утверждая ценность субъектности, целостности, свободы и ответственности человеческого бытия, сохранения и воспроизводства человеческого в человеке. Абсолютизация одного из подходов снизит эффективность и продуктивность обоих, поскольку не будет соответствовать запросам современного человека и общества.

Конкретные исторические примеры применения экзистенциально-антропологического подхода в образовательной деятельности немногочисленны, однако существуют. В частности, можно упомянуть знаменитую американскую школу «Садбери Вэлли»[1] и британскую школу «Саммерхилл», организованные на основе приоритета принципа свободы обучающихся. Предоставление ребёнку в процессе образования свободы, связанной с отсутствием жёсткого контроля со стороны взрослых, в результате приводит к естественному и органичному формированию ответственности и самостоятельности в поведении и мышлении. Эффективность данного принципа с точки зрения дальнейших социальных перспектив учащихся подтверждена исследователями (Gray & Chanoff, 1986). Экзистенциальная педагогика О. Ф. Больнова представляет собой, безусловно, трудно реализуемый в системе современного традиционного институционального образования пример, поскольку соответствующие практики определяются не внешними указаниями учителя, педагога, преподавателя или наставника, а преимущественно внутренними побуждениями самого образовывающегося человека. Это такие практики, как «педагогика переживаний» (Г. Е. Соловьев), «приключенческое образование» (П. Беккер), «биографическая педагогика» (Ю. Хенингсен, В. Лох). С точки зрения Больнова, учителя и педагоги, подобно внимательным садовникам, должны выступать лишь в роли тех, кто создаёт условия и организует благоприятные пространства для самостоятельного развития и роста человека (Bollnow, 1961).

1 См.: https://sudburyvalley.org/

Представляется, что в экзистенциально-антропологическом ключе образование может стать благоприятной «площадкой» для реализации эко-культурных практик, поскольку ориентировано на возделывание человека как целостности посредством обучения и воспитания и всегда реализуется в конкретно-исторических условиях в соответствии с актуальным пониманием того, что такое человек и каково его место в мире. Экзистенциально-антропологический подход не допускает сведения образования человека к формированию исключительно профессионала с соответствующими компетенциями, поскольку человек не сводится к этой роли. Посредством образования человек должен образовываться не только как функционер-профессионал, но и как собственно человек. Для этого необходимо учитывать специфику человеческого бытия, связанную с его неопределённостью, неоднозначностью, непредзаданностью и несводимостью.

Эко-культурные практики осуществляются самим человеком как деятельная форма заботы о себе и мире. Создание благоприятных условий и мест для обнаружения живого начала – зон рекреации, парков, набережных, музеев, офисов, городских пространств – также можно считать эко-культурной практикой. Это пространства вовлечения человека, в которых возможно обнаружение человеческого начала и человечности. Помимо создания таких мест, эко-культурными практиками могут считаться и формы непосредственной деятельности человека, направленной на сохранение, восстановление и сбережение чего-либо. К ним относятся, например, волонтёрская деятельность в разных её проявлениях и видах, восстановление архитектурных памятников и святых мест, музейная партиципация, организация самодеятельных коллективов и участие в них, очищение водоёмов от продуктов человеческой деятельности и др.

Заключение

Из многообразия эко-культурных практик складывается эко-культура, понимаемая как совокупность оптимальных для конкретно-исторических социокультурных условий способов бытия человека в современном технико-технологизированном мире. Необходимость культурно опосредованного способа существования человека и создания условий для воспроизводства живого человека обусловлена непосредственной экзистенциальной угрозой человеческой жизни, возникающей во взаимодействии с современными технологическими продуктами, трансформирующими человека в техносущество, а его мир – в полностью технико-технологизированный мир. Экспансия технического противоречит идее ценности живого человека, сохранения и воспроизводства его живого начала, человеческого в человеке. Вновь актуализируются вопросы о том, что такое человек, каковы его место и статус в стремительно технологизирующемся мире.

Реализация эко-культурного бытия за счёт формирования и укрепления в современной культуре различных эко-культурных практик способна способствовать решению обозначенной проблемы, формированию оптимальных способов организации внутреннего и внешнего мира человека, обеспечению целостности и полноценности его существования, а также воспроизводству его живого начала. При этом эко-культурные практики должны соответствовать основным принципам экогуманистического подхода и экогуманистического мироотношения. Именно в них отражается стремление человека к достижению оптимальности, согласованности, координации и коэволюции всех элементов своего внутреннего и внешнего мира.

Несмотря на то что некоторые эко-культурные практики носят преимущественно формальный характер, организуются сугубо технически и ориентированы главным образом на следование модным общественным тенденциям, в них можно обнаружить стремление человека выразить свои взгляды на значимое, важное и ценное в его существовании.

В настоящем исследовании эко-культурные практики как практики заботы предполагают не только заботу о мире, в котором живёт человек (природе, социуме, культуре), но и непосредственную заботу о самом себе – непосредственно или опосредованно, через заботу о мире. Человек является существом культуры, а любые живые акты, в которых естественным образом обнаруживается его живое начало, представляют собой не что иное, как оживление культурного опыта, некогда усвоенного им благодаря различным культурным ситуациям, возникавшим в его жизни. «Навык оживления, распредмечивания культуры человеком – гарантия от расчеловечивания человека» (Невелева, 2024, с. 99). Культура оживает благодаря человеку и его «культуре утверждения живого» – в процессе её неподдельного и искреннего переживания, понимаемого как непосредственное и участное проживание актуальной ситуации. Стало быть, техническое как атрибутивное свойство современной культуры тоже может участвовать в процессе оживления человеком своего мира и использоваться как средство усиления и расширения жизни человека и культуры, утверждения в ней ценности живого начала. Современные техника и технологии вполне могут способствовать этому и нередко действительно этому способствуют. При соответствующей направленности технического человек способен в экзистенциальном смысле переводить неживое в живое, оживлять овеществлённое, видеть за вещами жизнь. Необходимо соотнести возможности полноценного воспроизводства и развития человеческого и технического, обеспечив их взаимную ориентацию. Однако это не представляется возможным без формирования эко-культурных практик, соответствующих сущности экогуманистического подхода и экогуманистического мироотношения. Такие практики предполагают гуманоориентированность техники, воспроизводство живого начала в человеке, оптимальное использование техники и технологий

для достижения компромисса и реализации принципа антиредукционизма во взаимоотношениях антропологического и технического, естественного и искусственного, живого и неживого.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор данной рукописи был уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Проведение исследования, концептуализация, написание текста рукописи — Соломко Д. В.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Автор данной работы выражает благодарность доктору философских наук, профессору Вере Сергеевне Невелевой за научное консультирование проводимого исследования.

Список литературы

Bollnow, O. T. (1961). Existenzphilosophie und Pädagogik. Otto Friedrich Bollnow [Existential Philosophy and Education. Otto Friedrich Bollnow]. *Zeitschrift Für Philosophische Forschung*, 15(3), 491–494. (In German).

Gray, P., & Chanoff, D. (1986). Democratic Schooling: What Happens to Young People Who Have Charge of Their Own Education? *American Journal of Education*, 94(2), 182–213. https://doi.org/10.1086/443842

Kottak, C. P. (1999). The New Ecological Anthropology. *American Anthropologist*, 101(1), 23–35. https://doi.org/10.1525/aa.1999.101.1.23

Kuznetsova, N. V., Duvalina, O. N., Shpakovskaya, E. Yu., Tokar, O. V., Stepanova, O. P., & Arpentieva, M. R. (2020). Environmental Culture of the City and Recreation Tourism: Rehabilitation, Educational and Environmental Practices. *Services in Russia and Abroad*, (3), 115–129. https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10308

Nishimura, S.-Y., Boda, S., & Sakurai, N. (2017). A Project Based Learning through International Collaboration with Students, Inhabitants and Local Professionals. 2017 *7th World Engineering Education Forum* (WEEF), 589–592. https://doi.org/10.1109/WEEF.2017.8467136

Shibata, T. (2019). Virtual Reality in Education: How Schools Use VR in Classrooms. In S. Bagnara, R. Tartaglia, S. Albolino, T. Alexander, & Y. Fujita (Eds.), *Proceedings of the 20th Congress of the International Ergonomics Association* (IEA 2018) (Vol. 827, pp. 423–425). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96059-3_48

Vishnevskaya, E. V., & Semchenko, I. V. (2023). The Main Aspects of Involving the Population of the Region in Ecological Tourism (The Case of Belgorod Region). *Services in Russia and Abroad*, (1), 92–101.

Winner, L. (1977). *Autonomous Technology: Technics-Out-of-Control as a Theme in Political Thought*. MIT Press.

Агафонов, В. Б. (2024). ESG-принципы и гринвошинг: Правовые проблемы дифференциации. *Актуальные проблемы российского права*, 19(9), 132–141. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.166.9.132-141

Апухтина, Н. Г. (2021). *От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления*. Челябинский государственный институт культуры.

Бакланова, Ю. О., & Захарова, И. Н. (2007). Цветной PR: Целевые установки и оценка эффективности. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*, (2), 42–48.

Воронина, Н. П. (2023). Гринвошинг: Правовой механизм противодействия. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина* (МГЮА), (3), 28–36. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036

Гирусов, Э. В. (2016). Гуманистический потенциал экологической культуры. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, (4), 103–107.

Гирусов, Э. В. (2023). Философский и социальный смысл понятия «ноосфера». *Ноосферные исследования*, (4), 17–22. https://doi.org/10.46724/NOOS.2023.4.17-22

Гирусов, Э. В., & Гирусов, Ф. Э. (2015). Подчинение законам самосохранения биосферы как способ преодоления экологической угрозы человечеству. *Экология промышленного производства*, (2), 56–61.

Глазачев, С. Н. (1998). Экологическая культура и образование в меняющемся мире. В *Экологическая культура и образование: Опыт России и Югославии*. ЭКОС: Россия + Европа.

Глазачев, С. Н., & Гагарин, А. В. (2013). Экологическая культура как вершинное достижение личности на этапе развития информационного общества. *Вестник Международной академии наук (Русская секция)*, (1), 16–20.

Гулеватая, А. Н., Дыдров, А. А., & Невелева, В. С. (2024). Образ человека в проективно-реформистских и экзистенциально-антропологических дискурсах о современном образовании. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 48(3), 61–77.

Демидов, В. В. (2019). Спасибо от природы: Зеленая программа лояльности – не такая зеленая или не столь лояльная? *Экономика, предпринимательство и право*, 9(4), 671–684. https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41318

Ермилов, К. А. (2009). Онтологические предпосылки экологии техногенной цивилизации и немецкая классическая философия. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, (108), 65–68.

Захарова, В. А. (2022). Экологические практики молодежи в сфере потребления: Аспекты актуализации проблемы. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 120–125. https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.12

Кови, С. Р. (2015). *Быть, а не казаться. Размышления об истинном успехе*. Манн, Иванов и Фербер.

Кожевникова, М. Н. (2021). Управление для «образования человека» и его применение в педагогическом образовании в гуманистической парадигме. *Социум и власть*, (3), 7–16. https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-3-07-16

Кочергин, А. Н. (2015). Экологическая культура как фактор «устойчивого развития» общества: Проблемы, возможности, реалии. *Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник*, 19(4), 33–36.

Куц, Ю. А. (2017). Эко-маркетинг: Гринвошинг как негативный фактор развития современной экономики или растущая опухоль современного рынка. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*, (2), 35–37.

Лебедева, Д. Р. (2021). Человек экологический: Повседневные практики заботы об окружающей среде как атрибут современного субъекта в представлениях молодых москвичей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2), 110–143. https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.5

Леонтьев, Д. А. (2024). От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации. *Вопросы образования*, (1), 142–161. https://doi.org/10.17323/vo-2024-17626

Лисенкова, А. А., & Труфанова, Е. О. (2023). Цифровой эскапизм—От аддикции до аскетизма. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 5(3), 17–34. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412

Лихачёв, Д. С. (2000). Экология культуры. В *Русская культура* (сс. 91–101). Искусство.

Невелева, В. С. (2024). Живой человек как ценность и проблема в современной русской философии. *Вестник Челябинского государственного университета*, (7), 99–106. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-489-7-99-106

Огурцов, А. П. (2018). Практика. В В. С. Степин (Ред.), *Новая философская энциклопедия*. Мысль. https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f0c925aa0b3a12b1bfd

Петрова, Г. И. (2023). Самоопределение человека в высшем образовании: Возможности антропологического и технологического решения проблемы. *Вестник Мининского университета*, 11(1), 2. https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-2

Петрушков, А. Н. (2009). Экологический туризм в системе патриотического воспитания. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, (2), 166–169.

Притужалова, О. А. (2015). Истинно экологический маркетинг и «псевдо-зеленый» маркетинг – гринвошинг. *Экологический вестник России*, (5), 39–43.

Резник, Ю. М. (2023a). Геофилософия и перспективы цивилизационного развития России как место бытия человека. *Вестник Калмыцкого университета*, (4), 146–162. https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-60-4-146-162

Резник, Ю. М. (2023b). Местобытие человека в системе понятий геофилософии (концептуальный анализ). *Вопросы социальной теории*, 15, 85–111.

Рыбакова, М. В. (2012). Социальные экологические практики как условие модернизации России. *Социально-гуманитарные знания*, (2), 273–279.

Савельев, М. В., Киселева, Д. А., Бондарь, Н. В., & Пигин, Ю. А. (2019). Принципы формирования городских общественных рекреационных зон набережных территорий. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, (33), 173-188. https://doi.org/10.17223/22220836/33/15

Саидова, Л. И. (2023). Экологический туризм и его экзистенциальное предназначение. *Гуманитарные и социальные науки*, 101(6), 51–58. https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-51-58

Слободчиков, В. И. (2012). Образование как всеобщая форма развития человека. *Психология обучения*, (1), 4–21.

Смирнов, С. А. (2023). *Человек и Цифра или Соблазн не быть. Антропологическая альтернатива*. Офсет-ТМ.

Смирнова, Е. В. (2011). Гринвошинг. *Безопасность в техносфере*, (5), 31–35.

Старикова, Д. В., & Когай, Е. А. (2011). Экологический туризм как фактор формирования общественного экологического сознания. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, (6), 92–95.

Танова, А. Г., Поздеева, Е. Г., Евсеева, Л. И., & Тучкевич, Е. И. (2024). Вовлеченность российской молодежи в экологические практики. *Социально-гуманитарные знания*, (4), 33–36.

Тарбаева, В. М. (2019). Развитие экологической культуры в контексте национального опыта и традиций русской культуры. *Биосфера*, 11(2), 10–19. https://doi.org/10.24855/biosfera.v11i2.484

Хайдеггер, М. (1986). Вопрос о технике. В *Новая технократическая волна на Западе*. Прогресс.

Чимитов, З. Б. (2006). *Экологический туризм как фактор приобщения людей к ценностям природного и культурного наследия (на материалах Республики Бурятия)* [Диссертация кандидата культурологии]. Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств.

References

Agafonov, V. B. (2024). ESG principles and greenwashing: Legal problems of differentiation. *Actual Problems of Russian Law*, 19(9), 132–141. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.166.9.132-141 (In Russian).

Apukhtina, N. G. (2021). *From Origins to Foundations of a Global Ecological Culture of Thinking*. Cheliabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian).

Baklanova, Yu. O., & Zakharova, I. N. (2007). Colored PR: Target Settings and Effectiveness Assessment. *Upravlenie Ekonomicheskimi Sistemami: Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal*, (2), 42–48. (In Russian).

Bollnow, O. T. (1961). Existenzphilosophie und Pädagogik. Otto Friedrich Bollnow [Existential Philosophy and Education. Otto Friedrich Bollnow]. *Zeitschrift Für Philosophische Forschung*, 15(3), 491-494. (In German).

Chimitov, Z. B. (2006). *Ecological Tourism as a Factor in Introducing People to the Values of Natural and Cultural Heritage: Based on Materials from the Republic of Buryatia* [Dissertation]. (In Russian).

Covey, S. R. (2015). *Primary Greatness: The 12 Levers of Success*. Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).

Demidov, V. V. (2019). Thanks From Nature: A Green Loyalty Program—Is It Not So Green or Not So Loyal? *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 9(4), 671–684. https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41318 (In Russian).

Ermilov, K. A. (2009). Ontological Prerequisites of the Ecology of technogenic civilization and German Classical Philosophy. *Izvestia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Im. A. I. Gertsena*, (108), 65–68. (In Russian).

Girusov, E. V. (2016). Humanistic Potential of Ecological Culture. *Ekonomicheskie i Sotsial'no-Gumanitarnye Issledovaniia*, (4), 103–107. (In Russian).

Girusov, E. V. (2023). The Philosophical and Social meaning of the Concept of "noosphere." *Noosfernye Issledovaniia*, (4), 17–22. https://doi.org/10.46724/NOOS.2023.4.17-22 (In Russian).

Girusov, E. V., & Girusov, F. E. (2015). Adherence to the Laws of Biosphere Self-Preservation as a Way to Overcome the Environmental Threat to Humanity. *Ekologiia Promyshlennogo Proizvodstva*, (2), 56–61. (In Russian).

Glazachev, S. N. (1998). Ecological Culture and Education in a Changing World. In *Ecological Culture and Education: The Experience of Russia and Yugoslavia*. EKOS: Rossiia + Evropa. (In Russian).

Glazachev, S. N., & Gagarin, A. V. (2013). Ecological Culture as the Highest Achievement of Personality at the Stage of the Development of the Information Society. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii nauk (Russkaia sektsiia)*, (1), 16–20. (In Russian).

Gray, P., & Chanoff, D. (1986). Democratic Schooling: What Happens to Young People Who Have Charge of Their Own Education? *American Journal of Education*, 94(2), 182–213. https://doi.org/10.1086/443842

Gulevataya, A. N., Dydrov, A. A., & Neveleva, V. S. (2024). The Image of the Human Being in Projective-Reformist and Existential-Anthropological Discourses on Contemporary Education. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 48(3), 61–77. (In Russian).

Heidegger, M. (1986). The Question Concerning Technology. In P. S. Gurevich (Ed.), *The New Technocratic Wave in the West*. Progress. (In Russian).

Kochergin, A. N. (2015). Ecological Culture as a Factor of Society's "Sustainable Development": Problems, Opportunities, Realities. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Lesa – Lesnoi vestnik*, 19(4), 33–36. (In Russian).

Kottak, C. P. (1999). The New Ecological Anthropology. *American Anthropologist*, 101(1), 23–35. https://doi.org/10.1525/aa.1999.101.1.23

Kozhevnikova, M. N. (2021). Governance for the "Education of the Human Being" and Its application in Teacher Education within the Humanistic Paradigm. *Sotsium i Vlast'*, (3), 7–16. https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-3-07-16 (In Russian).

Kuts, Yu. A. (2017). Eco-Marketing: Greenwashing as a Negative Factor in the Development of the Modern Economy, or a Growing Tumor of the Modern Market. *Rossiiskaia Nauka i Obrazovanie Segodnia: Problemy i Perspektivy*, (2), 35–37. (In Russian).

Kuznetsova, N. V., Duvalina, O. N., Shpakovskaya, E. Yu., Tokar, O. V., Stepanova, O. P., & Arpentieva, M. R. (2020). Environmental Culture of the City and Recreation Tourism: Rehabilitation, Educational and Environmental Practices. *Services in Russia and Abroad*, (3), 115–129. https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10308

Lebedeva, D. R. (2021). The Ecological Human: Everyday Practices of Environmental Care as an Attribute of the Modern Subject in Young Muscovites' Representations. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24(2), 110–143. https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.5 (In Russian).

Leontiev, D. A. (2024). From the Phenomenon of Autonomy to the Mechanisms of Self-Determination. *Educational Studies Moscow*, (1), 142–161. https://doi.org/10.17323/vo-2024-17626 (In Russian).

Likhachev, D. S. (2000). Ecology of Culture. In *Russian Culture* (pp. 91–101). Iskusstvo. (In Russian).

Lisenkova, A. A., & Trufanova, E. O. (2023). Digital Escapism — From Addiction to Asceticism. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 5(3), 17–34. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412 (In Russian).

Neveleva, V. S. (2024). The Living Human Being as a Value and a Problem in Contemporary Russian Philosophy. *Vestnik Cheliabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (7), 99–106. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-489-7-99-106 (In Russian).

Nishimura, S.-Y., Boda, S., & Sakurai, N. (2017). A Project Based Learning through International Collaboration with Students, Inhabitants and Local Professionals. *2017 7th World Engineering Education Forum (WEEF)*, 589–592. https://doi.org/10.1109/WEEF.2017.8467136

Ogurtsov, A. P. (2018). Practice. In V. S. Stepin (Ed.), *New Encyclopedia of Philosophy*. Mysl'. https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f0c925aa0b3a12b1bfd (In Russian).

Petrova, G. I. (2023). Human Self-Determination in Higher Education: Possibilities of Anthropological and Technological Solutions to the Problem. *Vestnik of Minin University*, 11(1), Article 2. https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-2 (In Russian).

Petrushkov, A. N. (2009). Ecological Tourism in the System of Patriotic Education. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, (2), 166–169. (In Russian).

Prituzhalova, O. A. (2015). Truly Ecological Marketing and "Pseudo-Green" Marketing: Greenwashing. *Ekologicheskii Vestnik Rossii*, (5), 39–43. (In Russian).

Reznik, Yu. M. (2023a). Geophilosophy and Prospects for Russia's Civilizational Development as a Place of Human Being. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, (4), 146–162. https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-60-4-146-162 (In Russian).

Reznik, Yu. M. (2023b). The Place-Being of the Human in the System of Concepts of Geophilosophy: A Conceptual Analysis. *Voprosy Sotsial'noi Teorii*, 15, 85–111. (In Russian).

Rybakova, M. V. (2012). Social Ecological Practices as a Condition for Russia's Modernization. *Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniia*, (2), 273–279. (In Russian).

Saidova, L. I. (2023). Ecological Tourism and its Existential Purpose. *Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 101(6), 51–58. https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-51-58 (In Russian).

Saveliev, M. V., Kiseleva, D. A., Bondar, N. V., & Pigin, Yu. A. (2019). Principles of Formation of Urban Public Recreational Zones of Embankment Areas. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, (33), 173–188. https://doi.org/10.17223/22220836/33/15 (In Russian).

Shibata, T. (2019). Virtual Reality in Education: How Schools Use VR in Classrooms. In S. Bagnara, R. Tartaglia, S. Albolino, T. Alexander, & Y. Fujita (Eds.), *Proceedings of the 20th Congress of the International Ergonomics Association* (IEA 2018) (Vol. 827, pp. 423–425). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96059-3_48

Slobodchikov, V. I. (2012). Education as a Universal form of Human Development. *Psikhologiia Obucheniia*, (1), 4–21. (In Russian).

Smirnov, S. A. (2023). *The Human and the Digital, or The Temptation not to be: An Anthropological Alternative*. Ofset-TM. (In Russian).

Smirnova, E. V. (2011). Greenwashing. *Bezopasnost' v Tekhnosfere*, (5), 31–35. (In Russian).

Starikova, D. V., & Kogai, E. A. (2011). Ecological tourism as a factor in the formation of Public Ecological Consciousness. *Uchenye Zapiski Rossiiskogo Gosudarstvennogo Sotsial'nogo Universiteta*, (6), 92–95. (In Russian).

Tanova, A. G., Pozdeeva, E. G., Evseeva, L. I., & Tuchkevich, E. I. (2024). Russian Youth Involvement in Ecological Practices. *Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniia*, (4), 33–36. (In Russian).

Tarbaeva, V. M. (2019). Development of Ecological Culture in the Context of National Experience and Traditions of Russian Culture. *Biosfera*, 11(2), 10–19. https://doi.org/10.24855/biosfera.v11i2.484 (In Russian).

Vishnevskaya, E. V., & Semchenko, I. V. (2023). The Main Aspects of Involving the Population of the Region in Ecological Tourism (The Case of Belgorod Region). *Services in Russia and Abroad*, (1), 92–101.

Voronina, N. P. (2023). Greenwashing: A Legal Mechanism of Counteraction. *Courier of Kutafin Moscow State Law University* (MSAL), (3), 28–36. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036 (In Russian).

Winner, L. (1977). *Autonomous Technology: Technics-Out-of-Control as a Theme in Political Thought*. MIT Press.

Zakharova, V. A. (2022). Ecological Practices of Youth in Consumption: Aspects of Problem Actualization. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 120–125. https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.12 (In Russian).